

Кризис легитимности государственной власти в эпоху глобализации

Осветимская Ия Ильинична

доцент кафедры теории и истории права и государства юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (филиал в Санкт-Петербурге); доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация, кандидат юридических наук; osv.iya@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Одной из актуальных проблем, требующих особого исследования, является кризис легитимности государственной власти, причиной которого могут выступать политико-коммуникативные основания, такие как: постановка под вопрос существования государственного суверенитета и государственной власти; «усиление воли к власти» политических и неполитических субъектов; частичное или полное отсутствие политической воли у граждан, которое, в свою очередь, вызывается низким уровнем вовлеченности населения в политику. В условиях глобализации правила языковых игр (политических, правовых, культурных) создаются не самими участниками в результате консенсусно-коммуникативного дискурса, а задаются извне и перестают разделяться всеми членами конкретного коммуникативного сообщества. Наблюдается расшатывание привычных традиций и норм поведения, которое находит свое выражение в той или иной мере сознательно или бессознательно происходящем неприятии навязываемых правил, нарушении функционирования механизмов консенсусно-коммуникативного общественного дискурса. Данные обстоятельства требуют как переосмысления самого феномена власти, так и разработки стратегий выхода из кризиса. С точки зрения делиберативной стратегии (Дж. Ролз, Дж. Коэн, Ю. Хабермас, С. Бенхабиб) выходом из кризиса будет конституирование коммуникативной власти, для которого необходимо обеспечение выражения консенсуса всех сторон, заинтересованных в принимаемом решении. Согласно агонистической стратегии (Ш. Муфф), власть интерпретируется не как чисто внешнее отношение, складывающееся между двумя заданными идентичностями, а как нечто, устанавливающее сами эти идентичности. Если для Дж. Ролза и Ю. Хабермаса важно найти способ упразднения власти, потому что более демократическое общество нуждается в меньшем охвате властью, то для Ш. Муфф основной тезис звучит как необходимость поиска таких форм проявления власти, которые бы были самым наилучшим образом совместимы с демократическими ценностями, потому что в основе любых социальных отношений лежат отношения власти, и их невозможно и не нужно устранять. Оба подхода обладают способностью вывести легитимность власти из кризиса при условии проявления властью ее «креативного потенциала», заключающегося в защите неотъемлемых, неотчуждаемых прав граждан; гармоничном сочетании публичной и частной сфер; реализации феномена свободы.

Ключевые слова: политическая коммуникация, утрата легитимности, власть, делиберативная демократия, коммуникативный консенсус, агонистический плюрализм, креативный потенциал власти, Ю. Хабермас, Ш. Муфф

State Power Legitimacy Crisis in the Era of Globalization

Iya I. Osvetinskaya

Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State, School of Law, Higher School of Economics National Research University (Campus in St. Petersburg); Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, Candidate of Legal Sciences; osv.iya@gmail.com

ABSTRACT

One of the urgent problems requiring special research is the comprehensive crisis of legitimacy that accompanies globalization, and one of the manifestations of which is the fragmentation of the phenomenon of legitimacy due to the fragmentation of the mechanisms of legitimation associated with different aspects of legitimacy being: power legitimacy, religion legitimacy, moral legitimacy, etc. State power legitimacy crisis has political and communicative grounds, such as: problematization of state sovereignty existence and state power existence; expanding political and non-political actors will to power; partial or complete lack of political will among citizens, which in turn is caused by a low level of public involvement in politics, which in turn is due to the usual functioning of political communication. The rules of language games (political, legal, cultural) are not created by the participants themselves in the result of a consensus-communicative discourse, but are set from the outside and are no longer shared by all members of a particular communicative community. The shaking of habitual traditions and norms of behavior leads to the imposed rules rejection and disruption of the consensus-communicative public discourse mechanisms functioning. These circumstances require a rethinking of the very phenomenon of power and the development of strategies for overcoming the crisis. From the point of view of a deliberative strategy (J. Rawls, J. Cohen, J. Habermas, S. Benhabib), the organization of a communicative power could become a way out of the crisis. This process requires all interested in the decision parties consensus expression. According to the agonistic strategy (C. Mouff), power is not interpreted as a purely external relation that develops between two given identities, but as something that establishes these identities themselves. According to J. Rawls and J. Habermas, it is necessary to find a way to eliminate power, because the more democratic a society is, the less power is present in its social relations. But according to C. Mouff, power relations are the basis of social relations, and the main issue of democratic politics is not how to eliminate power, but how to create such forms of power that could be more compatible with democratic values. Both approaches have the ability to bring the legitimacy of power out of the crisis, as long as the authorities will demonstrate its creative potential, which consists in protecting the fundamental rights of citizens; harmonious combination of public and private spheres; freedom realization.

Keywords: Political Communication, Legitimacy Loss, Power, Deliberative Democracy, Communicative Consensus, Agonistic Pluralism, Power Creative Potential, J. Habermas, C. Mouffe

1. Введение

Глобализация, затрагивающая без исключения все сферы жизни общества, сопровождается стремительными трансформациями общепринятых правовых и ценностных идеалов. В результате этого возникает огромное количество неизвестных ранее, нетрадиционных воззрений, которые приводят к восприятию ранее сформировавшихся и переживаемых как легитимные феноменов в качестве незнакомых и нелегитимных (это может происходить как на национальном уровне, так и на международном). В частности, в эпоху глобализации трансформируется понятие государственного суверенитета. Многие ученые опасаются, не изживает ли себя это понятие вообще¹. Понятие демократии также проблематизируется². Появление на международной арене новых политических и экономических субъектов формирует вызов устоявшимся представлениям, что является демократией, а что ее противоположностью. Для глобализации характерны такие черты, как интересубъективность, амбивалентность и асимметричность³. Интересубъективность проявляется в том, что, с одной стороны, глобализация зарождается благодаря субъектам, действующим при помощи имеющихся у них ресурсов и инструментов коммуникации, с другой стороны, глобализация подвергается процессу реификации и начинает переживаться субъектом как нечто объективное. Глобализация амбивалентна потому, что она способна принести как позитивные, так и негативные последствия. Саму по себе ее нельзя оценить положительно или отрицательно. Во многом ее результат индивидуален для каждого конкретного государства и зависит от того, насколько это государство сможет извлечь плоды из глобализации или потерпит крах от ее влияния. Асимметричность глобализации заключается в неравной степени интегрированности в ее процессы различных стран. Глобализации также сопутствуют дезинтеграция и фрагментация, регионализация и локализация. Данные изменения непосредственно затрагивают и понятие легитимности, содержание которого в условиях глобализации проблематизируется. В условиях современности политической власти особенно необходима легитимность, но ее очень легко утратить и трудно вернуть. Глобализация способствует высокой степени либерализации мышления, которое начинает остро воспринимать любые бюрократические препятствия, которые воздвигает государственная власть

¹ См., напр.: *Guehenno J.* The End of the Nation State. University of Minnesota Press, 2000; *Ohmae K.* The End of the Nation State. New York, 1996; *Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J.* Global Transformations: Politics, Economics and Culture. New York, 1999.

² См., напр.: *Дзоло Д.* Демократия и сложность: реалистический подход. М., 2010.

³ Подробнее об этом: *Осветимская И. И.* Государство в условиях глобализации: теоретико-правовое исследование. Дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2017. С. 44–54.

в экономической сфере. К этому добавляется существенное усложнение системы ценностных предпочтений, а также ценностный релятивизм. Конструкция легитимности распадается во всех сферах бытия легитимности: легитимности власти, легитимности права, легитимности религии, легитимности морали, нравственности и т. д. Это означает, что основной проблемой выступает уже даже не потеря доверия к различным социальным институтам, в том числе к институту государственной власти. Основной проблемой является оспаривание необходимости существования данных институтов как таковых, неприятие самой идеи государственно-организованного общества. Существуют различные стратегии решения проблем легитимности власти (агрегативная, делиберативная, агонистическая), о которых и пойдет речь в данной статье применительно к проблеме разрешения кризиса легитимности государственной власти.

2. Политико-коммуникативные основания кризиса легитимности государственной власти в эпоху глобализации

Понятие государственной власти и государственного суверенитета оспариваются в эпоху глобализации, лояльность граждан к транснациональным корпорациям, международным организациям и «сообществам идентичностей»⁴ перевешивает по сравнению с удовлетворением от политики государства. Понятие суверенитета критикуется учеными различных направлений. Например, Ю. Хабермас в своих рассуждениях о том, как возникло понятие суверенитета, обращает внимание на то, что оно закрепилось в сознании субъекта в результате «узурпации осуществления принуждения, в качестве сосредоточения власти, способного преодолеть любую иную власть»⁵. Ученый полагает, что данная монополия будет сохраняться независимо от того, будет суверенитет отождествляться с конкретным народом или он будет соотноситься с компетенцией институтов, формируемых народом в соответствии с конституцией. Ю. Хабермас считает необходимым поднять способности к политическому действию на более высокий уровень, простирающийся за пределы национальных государств. «Мир, контролируемый национальными государствами, сегодня находится в состоянии перехода к постнациональной констелляции мирового общества. Государства теряют свою автономию в той мере, в какой они вовлекаются в горизонтальные сетевые связи этого глобального общества»⁶.

В научном сообществе широко распространены взгляды о том, что глобализация подвергает суверенитет государства значительной «эрозии»⁷, унификация всех сфер жизни общества препятствует национальному государству реализовывать свой суверенитет, он «размывается»⁸, и этот процесс неизбежен и объективен. Такие опасения ученых обусловлены представлением о том, что силами глобализации осуществляется переход от вестфальской системы взаимодействия национальных государств, через ступень «объединенных наций», далее к глобальному мироустройству, формы реализации которого могут быть представлены как полнейшим отмиранием государства, так и новой миро-системой, космополитической демократией или транснациональными государствами. Территориальные границы государства, являющиеся одним из основных признаков государства, становятся более прозрачными в результате усиления возможностей межсубъектной экстерриториальной коммуникации, утрачивают свое традиционное значение. Лояльность индивидуально действующих субъектов переносится с государства, организованного по территориальному принципу, на всевозможные межтерриториальные организации. Кроме того, либертаризация (от англ. *liberty*) личности (тяготение к идее свободы) во всех направлениях, будь то политическая свобода, культурная, экономическая, свобода выражения, также вносит свою лепту в размывание легитимности государственной власти. Ведь одним из следствий глобальных перемен является приобретение обществом небывалой гибкости и динамизма. Согласно справедливому утверждению Д. Дзоло, «повышение дифференциации и колоссальное распространение мобильности, знаний и возможностей для нового опыта, происходящее благодаря технологическим новшествам, резко обостряет потребность в функциональной свободе и личной независимости»⁹, что, в свою очередь, влечет делигитимацию любых институтов, препятствующих реализации этой свободы. Глобализация характеризуется ускорением распространения информации, знаний, возможностей приобретения нового опыта, повышением мобильности, в результате чего потребность в свободе и независимости возрастает. И это стремление к свободе (именно негативной свободе, т. е. «свободе от» излишнего вмешательства государства) приводит к разрушению политического консенсуса, существовавшего ранее, на котором базировалось функционирование всех социальных институтов.

⁴ Малахов В. С. Государство в условиях глобализации. М., 2007. С. 187.

⁵ Habermas J. Faktizität und Geltung. Frankfurt a. M., 1998. Pp. 364–365.

⁶ Хабермас Ю. Расколотивый Запад. М., 2008. С. 119.

⁷ Западные исследователи называют данный процесс именно «эрозией суверенитета» (erosion of sovereignty). См., напр.: Goodwin G. L. The Erosion of External Sovereignty? // Government and Opposition. Vol. 9. No. 1 (WINTER 1974). Pp. 61–78; Loughlin M. The Erosion of Sovereignty // Netherlands Journal of Legal Philosophy. 2016 (2). Pp. 57–81; Raz J. The Future of State Sovereignty // Oxford Legal Studies Research Paper No. 61/2017 [Электронный ресурс]. URL: https://scholarship.law.columbia.edu/faculty_scholarship/2069 (дата обращения: 01.07.2020).

⁸ Или «размягчается». Использование данных терминов характерно для отечественных исследователей государственного суверенитета. См. напр.: Богатуров А. Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2004. № 1. С. 19; Лебедева М. М. Мировая политика. М.: Аспект Пресс, 2006. С. 66; Цыганков П. А. Мировая политика и ее содержание // Международные процессы. 2005. № 1. С. 58–59.

⁹ Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход. М., 2010. С. 311–312.

Глобализация решительным образом влияет на территориальную организацию социальных и политических институтов, создавая все новые формы и методы реализации власти на надгосударственном уровне. Постоянное возрастание потоков социальной активности на всех континентах приводит к неспособности данных взаимодействий организовываться лишь в пределах суверенных государств. В результате формируются институты глобального надгосударственного управления (система специализированных учреждений ООН, органы Европейского союза и др.)¹⁰.

Глобализации сопутствует такая тенденция, как «усиление воли к власти» политических и неполитических субъектов. Появление на международной арене таких сильных субъектов, как наднациональные институты власти, международные организации, транснациональные корпорации, которые преследуют свои экономические и политические цели, вынуждают государства действовать не всегда по своему усмотрению, в результате чего зарождаются особые конфигурации властеотношений, сопровождающиеся ценностной дезинтеграцией общества. «Власть попадает в некий круг кризиса легитимности социального порядка в целом, она “расползается” и приобретает новые, более сложные формы»¹¹. По данной причине сам феномен власти требует тщательного переосмысления.

Кризис легитимности государственной власти связан с частичным или полным отсутствием политической воли у граждан (при усилении воли к власти у политических и экономических субъектов), которое, в свою очередь, вызывается низким уровнем вовлеченности населения в политику, что, обусловлено привычным функционированием политической коммуникации. Политические элиты формируют необходимые политические представления с помощью средств массовой информации, применяя при этом технологии «манипуляции сознанием» граждан, навязывая им удобные картины мира, «символического» значения действительности. В результате граждане не в состоянии оценить реальную политическую картину, вникнуть в правила политической игры, принимать ответственные политические решения и совершать ответственные политические действия. Для того чтобы «заполучить» легитимность, власть прибегает к манипуляциям, к конструированию общественного мнения. Убеждение аудитории основывается не на аргументации, а на эмоциональном внушении. Диалогическая коммуникация, опосредующая отношения между государством и обществом, подменяется коммуникацией монологической. Но по своему содержанию это приводит к обратному процессу — к потере легитимности вообще. Однако глобализация, либертаризируя мышление, выводит сознание личности на новый уровень, требующий расширения границ политического действия.

3. Проявления кризиса легитимности государственной власти

Легитимность — это феномен представлений социальных субъектов, формирующийся в процессе их коммуникации друг с другом и предполагающий доверие, одобрение и признание социальных институтов, в том числе институтов власти. При этом критериями легитимности того или иного института социального порядка выступают не правовые смыслы или не столько правовые, сколько ценностно-целевые установки. Собранность феномена легитимности заключается в консенсусе по поводу обоснованности социальных институтов со стороны ценностно-целевых установок. Глобализация приводит к неустойчивости, к неопределенности путей развития общества, к деформации ценностного наполнения как частной, так и общественной жизни, в итоге — к дисбалансу и к глобальной переоценке ценностей. То есть основные критерии процесса легитимации социальных институтов в процессе глобализации подрываются, трансформируются, в результате чего феномен легитимности распадается и вступает в фазу кризиса.

В демократических государствах легитимность государственной власти опирается на принцип большинства, осуществляющийся в пределах конкретного политического сообщества. При этом для существования легитимности необходимо условие наличия «мы-идентичности», объединяющего самостоятельные решения членов данного политического союза. Глобализация, имея своим последствием правовую стандартизацию, подрывает национальную и культурную идентичность национальных обществ, понижает уровень легитимности внутри этих обществ. В такой ситуации два уровня легитимности вступают в конфликт между собой: легитимность демократического принципа большинства и легитимность международного принципа исполнения обязательств. Указанный конфликт состоит в том, что авторами международных договоров выступают не народ национального государства, а профессиональные эксперты, мнение которых может идти вразрез с мнением большинства населения конкретного государства. Даже не представители народа вырабатывают эти решения, так как в парламенте они лишь ратифицируются. Часто эти решения не соответствуют уровню развития конкретного общества, но, будучи имплементированными в национальную правовую систему, способствуют установлению разрыва между правом и демократическими процедурами правовой легитимации. Демократические процедуры основываются на консенсусе между участвующими в процессах

¹⁰ Подробнее о глобализации, ее влиянии на государственный суверенитет и о надгосударственных институтах власти: *Осветимская И. И.* Государственный суверенитет: содержание и преобразование в условиях глобализации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 2. С. 150–168.

¹¹ Там же.

демократической легитимации и теми, кого таким образом легитимированные решения касаются. По причине того, что феномен «мы-идентичности» не позволяет расширять круг демократических процедур до бесконечности, принцип консенсуса нарушается. С одной стороны — демократическому обществу навязываются решения извне, с другой — легитимированные самим этим обществом решения. Вступая в конфликт, эти два уровня бытия легитимности увеличивают отчужденность данного общества от власти и от других обществ. Власть с точки зрения идеи верховенства права¹² является неким «инструментом», проводящим право через законодательство как позитивную форму права, не сводимую к праву в целом. Доверие к позитивному праву, таким образом, определяет доверие к действиям всех ветвей власти. Если позитивное право перестает отображать общие принципы и идеи права, если оно начинает восприниматься как инструмент, ограничивающий свободу, возникает новая фаза отчуждения человека и от права, и от государственной власти.

Таким образом, усиление взаимодействия национальных государств с другими международными субъектами способствует блокированию принципов, на основе которых до этого организовывалась вся жизнь внутри демократического общества. В результате этого подрывается нормативное основание языковых игр в национальном обществе, конституирование которого возможно только при условии наличия национальной (политической, экономической, правовой, культурной, социальной) «мы-идентичности». Я использую здесь понятие Л. Витгенштейна «языковые игры», потому что языковые игры отражают определенную форму языковой коммуникации, которая функционирует в соответствии с определенными правилами. И если эти правила нарушаются, то разрушению подвергается вся дискурсивная практика, вся языковая игра. Так как языковая игра осуществляется лишь в процессе коммуникации, то она является специфическим способом коммуникативного взаимодействия субъекта с окружающей средой. Для того чтобы понимать сущность языковой игры, ее смысл, необходимо находиться в данном игровом пространстве, быть «игроком». Этим самым Л. Витгенштейн подчеркивает связь текста и способа его интерпретации¹³. По причине того, что в эпоху глобализации созданием правил языковых игр занимаются не сами члены конкретного политического сообщества в ходе реализации коммуникативных согласительных процедур, а внешние акторы, эти правила не легитимируются частью членов данного политического сообщества. Наблюдается расшатывание привычных традиций и норм поведения, которое находит свое выражение в той или иной мере сознательно или бессознательно происходящем неприятии навязываемых правил, нарушении функционирования механизмов консенсусно-коммуникативного общественного дискурса. Бурные изменения в организации жизни общества, которыми сопровождается глобализация и которые отчетливо наблюдаются на примере формирования глобальных сетевых отношений, вызывают появление гетерономных (чужеродных) правил поведения и в правовой сфере. Основным критерием легитимности права, представляется, выступает его совместимость с субстанциональными ценностями. Не вызывает сомнения тот факт, что несвобода и несправедливость не являются фундаментальными ценностями, лежащими в основе социального порядка. Свобода, равенство и справедливость являются неким ориентиром как для личности, так и для общества, несмотря на то, что нуждаются в гармонизации в силу разночтений по поводу их значения. Так или иначе, эти ценности в той или иной степени воплощаются в праве. Этот априорный фундамент, представляющий собою квинтэссенцию естественного права, создает образец, которому должно следовать право позитивное. И в случае возникновения пауз в таком следовании возникает кризис легитимности права, а вместе с ним и кризис правовой легитимности иных социальных институтов и явлений.

Глобализация сопровождается унификацией национальных правовых систем. Национальное право встраивается в международную правовую систему, в глобальное право. В итоге возникают иные представления о том, что такое право и что такое легитимность. Национальное право признается легитимным, если оно соответствует стандартам, признанным международным правом. Таким образом, то обоснование легитимности, к которому мы привыкли в рамках национального права, стремительно перемещается в новую среду. Возникает необходимость в обосновании легитимности международного права как меры легитимности права национального. Кроме этого, глобальные тенденции, проблематизирующие государственный суверенитет, подрывают веру в суверенитет национального права, легитимность которого продолжает осмысливаться в качестве легитимности национального права.

Указанный эффект «расшатывания» нормативного фундамента общества легко обнаружить в развивающихся странах, на которые оказывается чрезмерное влияние более сильных государств, в том числе в виде правовой интервенции. В связи с тем, что чуждые нормы невозможно гармонично внедрить в автохтонные нормативные миры, они не могут обрести легитимность, а лишь приводят к релятивизму в отношении действующих норм. Если критика фундаментальных оснований в научном мышлении может привести через на-

¹² Верховенство права я понимаю вслед за профессором А. В. Поляковым как «установление такого правопорядка, который действует на основе общих норм, обеспечивает основные права человека и их гарантированную судебную защиту, направлен на реализацию в праве идеи справедливости» (Поляков А. В. Верховенство права, глобализация и проблемы модернизации философии и теории права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. № 4. 2013. С. 20).

¹³ Витгенштейн Л. Философские исследования // Л. Витгенштейн. Философские работы. М., 1994. С. 90–91.

учные революции к смене всей научной картины мира, то какие-либо манипуляции с «жизненным миром» могут привести к непредвиденным результатам. Столкновение базиса «жизненного мира» конкретного общества с чуждыми ему нормативными мирами вызывает агрессию, страх и отчуждение. Вероятно, имеется некоторый шанс окончания такого сценария положительно, в случае если подвергающийся критике «жизненный мир» претерпит собственные внутренние изменения. Тогда произойдет «просеивание» конфликтующих представлений, принятие некоторых из них в ходе общественной рефлексии и, как результат, возникновение правового плюрализма. Но если сценарий сложится по-другому, а именно, вторжение чуждых нормативных миров будет слишком интенсивным, они не смогут дополнить имеющуюся картину мира конкретного общества, а будут восприняты как нечто способствующее гибели всей устоявшейся нормативной основы.

4. Переосмысление феномена власти

На сегодняшний день существует множество подходов к осмыслению сущности феномена власти. Остановимся на наиболее актуальных для постклассической науки, таких как: коммуникативная, представленная Х. Арендт и Ю. Хабермасом, а также постструктуралистская, представленная М. Фуко и П. Бурдьё. Согласно данным концепциям, власть — это находящийся в социальном поле и сфере коммуникации неоднократно опосредованный инструмент интерессубъективного взаимодействия. Х. Арендт характеризует власть как «многоуровневую институциональную коммуникацию»¹⁴. Возникновение феномена власти вызвано необходимостью в согласовании интерессубъективного взаимодействия в процессе реализации членами общества своих частных интересов с целью соотнесения их с интересом совместным. Согласно Ю. Хабермасу, власть — это некий макроинструмент, позволяющий решать проблемы, возникающие в результате соотнесения частной и публичной сфер общественной жизни, назначение которого заключается в сохранении и преумножении коммуникативного дискурса между политическими акторами¹⁵. Для М. Фуко и П. Бурдьё власть также представляет собой некое отношение, коммуникацию. М. Фуко, разрабатывая свое понятие власти, подчеркивал, что власть не должна отождествляться с властью государственной, потому что последняя зиждется на целой системе микровласти («сетке отношений власти»), в которую входит множество учреждений воспитания, образования, медицинских, психиатрических, тюрьмы. Формируется «целый пучок властных отношений»¹⁶, который опутывает индивида и с помощью которого власть становится вездесущей, воспроизводящей саму себя в любой точке. Кроме того, «отношения власти являются отношениями силы, противостояниями»¹⁷. Это отношения, которые складываются между двумя полюсами: один из которых — полюс приложения силы, а второй — полюс противодействия силе.

Можно сказать, что П. Бурдьё развивает далее эту концепцию и предлагает свое понятие «символической власти как некой совокупности различного рода капиталов, распределяющихся между субъектами согласно занимаемым ими позициям в политическом поле»¹⁸. Капитал может быть различным: экономическим, культурным и др. Под «политическим полем» он понимает социальную сферу, конструируемую непосредственно взаимоотношением отношений власти. Понятие символического капитала у П. Бурдьё представляет интерес для решения проблемы легитимации власти в связи с тем, что, по мнению ученого, в ходе установления власти наблюдается переход отдельных разновидностей капитала власти в символический капитал. Символический капитал включает в себя репутацию, доброе имя, авторитет. Именно благодаря символическому капиталу власти в нее начинают верить, ей начинают следовать, т. е. легитимация власти по своей природе символическа. Подтверждение этому можно найти и у Т. Лукмана и П. Бергера, полагающих легитимацию обязательным условием для конструирования общества в качестве объективной реальности. По их мнению, легитимация является смысловой объективацией «второго порядка». Объективация (или сигнификация) означает наделение значением каких-либо феноменов, событий, процессов. Легитимация в таком случае образует свои миры посредством создания новых символов и знаков. Такие миры Т. Лукман и П. Бергер называют «символическими универсумами»¹⁹. В итоге получается, что в процессе символизации капитала, т. е. «перемещения» его в символические миры, его обладатель наделяется «совершенным» значением в представлении остальных, и это позволяет его власти не зависеть ни от кого и ни от чего. Таким образом, символический капитал у П. Бурдьё и харизма у М. Вебера — это практически одно и то же²⁰. Личный

¹⁴ См.: Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.

¹⁵ См.: Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Massachusetts. 1991.

¹⁶ См.: Фуко М. Власть и знание // М. Фуко. Интеллектуалы и власть. М., 2002.

¹⁷ Там же. С. 290.

¹⁸ См.: Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть / Бурдьё П. Начала / пер. с фр. М. А. Шматко. М., 1994.

¹⁹ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

²⁰ Об этом говорит сам П. Бурдьё: «Символический капитал был бы просто другим обозначением того, что Макс Вебер называл харизмой, если бы этот ученый (пожалуй, лучше всех понявший, что социология религии составляет главу, притом важнейшую, социологии власти), находясь в плену у логики реалистических типологий, не сделал из харизмы частную форму власти, вместо того чтобы усмотреть в ней особое измерение всякой власти, т. е. синоним легитимности, происходящей из признания-неузнавания, из веры, «благодаря которой люди, отправляющие власть, наделены престижем» (Бурдьё П. Практический смысл. СПб.: Алетей, 2001. С. 280).

капитал у П. Бурдьё, который является разновидностью капитала политического, основывается на известности и признанности, на обладании такими качествами, которые формируют определенную репутацию и вызывают поддержку со стороны других субъектов. У М. Вебера харизма также представляет собой такое качество личности, благодаря которому она признается всеми как одаренная личность. Завладение символическим капиталом или символизация уже имеющегося капитала обеспечивает власти ее легитимность. И что весьма важно, со стороны субъектов легитимации этот процесс легитимации далеко не всегда будет сознательным.

5. Возможные выходы из ситуации кризиса легитимности государственной власти

В целях поиска выхода из ситуации кризиса легитимности может оказаться полезным переосмыслить основные модели разрешения конфликтов, возникающих в процессе легитимации власти, таких как: агрегативная, делиберативная и агонистическая.

Родоначальником **агрегативной стратегии** можно считать Й. Шумпетера²¹. Он считал, что сущность демократии заключается в агрегировании предпочтений граждан и принятии решения в ходе открытой конкурентной избирательной борьбы большинством голосующих. В целом агрегативная модель является чересчур процедуралистской, сводящей феномен демократии к одним лишь процедурам по достижению уравновешивания разрозненных интересов посредством взаимодействия различных групп. Так, Э. Доунс убежден, что плюрализм интересов и ценностей намного важнее общего интереса и общего блага, поэтому от последних понятий следует вообще отказаться²². Недостаток стратегии, как представляется, заключается в формировании с ее помощью однонаправленной модели политической коммуникации. Коммуникация в данном русле понимается «как формальный, технический процесс передачи точной, абстрактной информации от источника-субъекта к адресату-объекту. Подобная односторонне направленная, линейная, субъект-объектная политическая коммуникация служит достижению власти политического лидера или государственного аппарата, создающего, регулирующего информацию и являющегося ее основным источником»²³. Такая модель не способна помочь найти выход из сложившегося кризиса, так как она отрицает способность человека к собственному восприятию и толкованию политической информации, поступающей извне, согласно своим ценностным установкам.

Делиберативная стратегия или демократия обсуждения представлена двумя подходами. Представители первого — Дж. Ролз²⁴ и Дж. Коэн²⁵, второго — Ю. Хабермас²⁶ и С. Бенхабиб²⁷. Данные ученые убеждены, делиберативные процедуры способствуют достижению согласия, соответствующего и принципам нормативной рациональности, и принципам демократической легитимности. Первые выражаются в защите основных прав и свобод, вторые — в народном суверенитете. С точки зрения данного подхода легитимность основывается на всеобщем рациональном согласии (консенсусе). Если делиберативные процедуры создают возможность для реализации таких принципов, как равенство, непредвзятость, отсутствие насилия, честность, то их результатом будет нахождение совместных интересов, устраивающих всех участников обсуждения, а принятое таким образом решение будет легитимным.

И наконец, **агонистическая стратегия**, представленная Ш. Муфф, призывает понимать власть не как общение, навязанное одним субъектом другому извне, а как общение, формирующее самих этих субъектов²⁸. Рассмотрим две последние стратегии подробнее.

Пытаясь найти выход из ситуации кризиса демократической легитимности, отрицания суверенитета, кризиса доверия к демократическим и властным институтам, которые явились характерными чертами эпохи глобализации, Ю. Хабермас предлагает новую интерпретацию сущности демократической легитимности, а именно через определение суверенитета интерсубъективно как «власти, порождаемой коммуникативными средствами»²⁹. И Дж. Ролз, и Ю. Хабермас стремятся соединить демократию и либеральные ценности. Согласно ученым, власть должна подвергаться всеобщему обоснованию в определенных формах. Фундамент легитимности демократических механизмов строится на том, что институты, имеющие стремление к власти, объясняют свое стремление тем, что результатом их деятельности будут решения, выражающие интересы всех членов общества.

Однако, если рассуждать в таком ключе, то для обеспечения демократичности процедуры принятия решения недостаточно брать в расчет интересы всех участвующих вместе, а также каждого в отдельности.

²¹ См.: Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.

²² См.: Downs A. An Economic Theory of Democracy. New York, 1957.

²³ Линде А. Н. Значение концепции делиберативной демократии Ю. Хабермаса для теории политической коммуникации // Русская политология — Russian Political Science. № 2, 2017. С. 75.

²⁴ См.: Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.

²⁵ См.: Cohen J. Democracy and Liberty / J. Elster (ed.), Deliberation Democracy, Cambridge, 1988.

²⁶ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001. С. 385.

²⁷ См.: Benhabib S. Toward a Deliberative Model of Democratic Legitimacy / S. Benhabib (ed.), Democracy and Difference, Princeton, N. J., 1996.

²⁸ Муфф Ш. К агонистической модели демократии // Логос. 2004. № 2 (12). С. 188.

²⁹ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. С. 385.

Необходимо обеспечить консенсус всех заинтересованных в принимаемом решении сторон. В таком случае будет сформирована «коммуникативная власть», которая «предполагает отсутствие постоянной иерархии, вынесение в область дискуссий как обоснования, так и применения предписаний, широкое использование переговорных и согласительных процедур, обратную связь корректирующего типа и т. п.»³⁰. Если обратиться к С. Бенхабиб, то она по этому поводу пишет следующее: «В соответствии с делиберативной моделью, в целях достижения рациональности и легитимности процессов совместного принятия решений в государстве, необходимо, чтобы властные институты обеспечивали возможность формирования общего интереса в ходе совещательных процедур, открыто и честно организуемых между равными и свободными гражданами»³¹.

Для Дж. Ролза и для Ю. Хабермаса характерно стремление к достижению не простого согласия, а рационального консенсуса, именно он выступает основанием либеральной демократии, гарантирует соответствие властных механизмов демократическим ценностям. Для Дж. Ролза основной демократической ценностью является справедливость. Согласно Дж. Ролзу, демократическим возможно считать только такое общество, в фундамент которого заложены принципы, соответствующие такому пониманию справедливости, которое свойственно наибольшему количеству граждан. Только в данном случае возможно эффективное и легитимное функционирование государственных институтов. Ю. Хабермас главной демократической ценностью считает легитимность. Согласно Ю. Хабермасу и С. Бенхабиб, для эффективного и легитимного функционирования государственных институтов необходимо создание такого политического сообщества, которое бы придерживалось рациональных взглядов на легитимность. По этой причине главная проблема — это поиск такого инструмента, при использовании которого стало бы возможным гарантированно принимать непредвзятые решения, отражающие позицию всех граждан в равной степени. Таким инструментом являются совещательные процедуры, результатом которых становится достижение рационального консенсуса. «Легитимность, отвечающая демократическим принципам, появляется в результате открытого совместного обсуждения вопросов, относящихся к общему интересу»³², — пишет С. Бенхабиб.

Однако при такой постановке вопроса важно вспомнить слова Л. Витгенштейна, который считал, что недостаточно достичь консенсуса в определении какого-либо понятия. Необходимо достичь консенсуса по поводу использования данного понятия. Преломляя данные слова на вышеуказанные рассуждения представителей делиберативной демократии, можно сказать, что тяготение к ценностям демократии и либерализма, скорее, основывается не на рациональной аргументации, а на «страстном выборе системы ориентации»³³. Следование выбранной системе ценностей становится верой и *modus vivendi* каждого члена политического сообщества.

Ш. Муфф, критикуя делиберативную стратегию, подчеркивает, что политика не свободна от ценностей, особенно если дело касается наиболее важных проблем, связанных со справедливостью. В связи с этим невозможно прийти к универсальному устраивающему всех решению. Она выдвигает главный аргумент, согласно которому действия и решения власти конституируют социальную реальность. Иными словами, всякая социальная реальность — это реальность политическая и сконструированная. В данном ракурсе власть интерпретируется не как навязанное извне отношение, складывающееся между субъектами, а как **нечто, формирующее самих этих субъектов**³⁴.

В итоге, если следовать стратегии делиберативной демократии, то необходимо найти способ устранения «страстей из публичной сферы»³⁵ в целях достижения рационального консенсуса. Если же следовать агонистической модели демократии, то мы ищем не способ для устранения страстей за счет исчезновения плюрализма интересов, а способ для существования плюрализма интересов как единства в конфликтном контексте.

Согласно агонистической модели, то, что необходимо демократии, это дополнение сконструированного феномена социальной сферы утилитарным базисом стремления власти к легитимности. Власть и легитимность не находятся в состоянии непреодолимого разделения, с одной стороны. Но никакая власть не является априори легитимной — с другой. Если какая-либо власть устанавливается, значит, кем-то она признается легитимной. Но остается она таковой только в случае, если выполняет свое назначение эффективно. Эта взаимообусловленность двух феноменов, согласно Ш. Муфф, не принимается в расчет делиберативной демократией, придерживающейся идеи о реальности построения рациональной аргументации для устранения власти и формирования легитимности на базисе чистой рациональности.

Развивая данный тезис, Ш. Муфф предлагает свой подход, который она называет «агонистический плюрализм». При этом она показывает разницу между двумя проявлениями плюрализма, такими как антагонизм и агонизм. Если антагонизм можно описать как противостояние врагов, то агонизм — это противостояние

³⁰ Беляев М. А. Делиберативная модель демократии: базовые принципы и проблемы реализации // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 3. С. 86.

³¹ Benhabib S. Supra note 27. P. 69.

³² Ibid. P. 68.

³³ Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994. С. 470.

³⁴ Муфф Ш. К агонистической модели демократии. С. 188.

³⁵ Там же. С. 195.

соперников. Главной целью политики в демократическом обществе выступает трансформация антагонизма в агонизм. Отличие соперника от врага состоит в его легитимности. Мы вступаем в борьбу с соперником, разделяя с ним общие политические и этические принципы свободы и справедливости. Наше противостояние состоит в существовании некоторых различий в интерпретации значения этих принципов и способов их реализации. И такие различия не могут быть упразднены с помощью рационального обсуждения по той причине, что консенсуса в сфере публичных интересов достичь невозможно. «Для благополучного и эффективного функционирования демократии необходимо живое столкновение политических позиций. В связи с этим идеал плюралистической демократии недостижим путем публичного консенсуса. Консенсус в публичной сфере невозможен»³⁶.

Представляется, что модель агонистического плюрализма, несмотря на то, что более чутко воспринимает разнообразные импульсы, посылаемые из общества, тем не менее таит в себе некую опасность. Опасность эта заключается в отождествлении социальных отношений с отношениями власти. Если принять их тождество, то возникает опасность теоретического обоснования снятия ответственности с публичной власти.

6. Заключение

Оба подхода, и демократия обсуждения, и агонистический плюрализм, имеют в себе потенциал для преодоления кризиса легитимности. Однако не следует забывать, что конституирующим признаком индивида является, скорее, различие, чем консенсус. Поэтому в глазах индивидуалистически устроенного общества легитимной будет считаться власть, поддерживающая индивидуальность, разнообразие форм жизни, диалогов и т. д. Такому обществу в качестве стратегии больше подойдет агонистическая модель демократии. Обществу же, которому свойственен большой уклон в сторону общих интересов по сравнению с частным, следует принять на вооружение делиберативную модель, стремящуюся к однородности посредством коммуникативного консенсуса.

При этом важно понимать, что уровень развития современного общества требует от государственной власти соответствия высоким стандартам: реализации права избирать власть, беспрепятственно влиять на власть и участвовать в процессах принятия ею решений. Соответствие демократическим принципам предполагает налаженное функционирование механизмов двусторонней коммуникации, эффективного диалога, контроля общественностью, обратной связи. Нельзя также забывать предостережение Х. Арендт о том, что на базе консенсуса может быть создана такая политическая однородность, следующим шагом после которой может стать тоталитаризм. Дабы избежать этого, власть не должна забывать о своем **«креативном потенциале»**, который, согласно Х. Арендт, состоит в следующем³⁷:

1. Защита властью неотъемлемых, неотчуждаемых прав и свобод граждан.
2. Обеспечение властью гармоничного взаимодействия публичных и частных интересов. Приоритет публичной сферы над частной, несоизмеримо большая роль властных институтов и бюрократического аппарата в жизни общества влечет искажение жизни общества по причине чрезмерного ущемления личного пространства.
3. Реализация феномена свободы. В области политики свобода может быть реализована как «протест» в значении воздействия на власть и как «собственная позиция» — в значении несогласия с решениями власти. Как внутреннее качество свобода означает способность создавать и воплощать в жизнь нечто новое, подобно тому, как свобода в контексте политической реальности означает наличие некоторого пространства между личностями для их самостоятельной деятельности.

Литература

1. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М. : ЦентрКом, 1996.
2. *Беляев М. А.* Делиберативная модель демократии: базовые принципы и проблемы реализации // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 3. С. 79–95. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-3-bel-yaev.
3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995.
4. *Богатуров А. Д.* Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 1 (4). С. 16–33.
5. *Бурдьё П.* Социальное пространство и символическая власть / П. Бурдьё. Начала / пер. с фр. М. А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1994.

³⁶ Муфф Ш. К агонистической модели демократии. С. 196.

³⁷ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. С. 614.

6. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. I. М. : Гнозис, 1994.
7. *Дзоло Д.* Демократия и сложность: реалистический подход. М. : Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010.
8. *Лебедева М. М.* Мировая политика. М. : Аспект Пресс, 2006.
9. *Линде А. Н.* Значение концепции делиберативной демократии Ю. Хабермаса для теории политической коммуникации // Русская политология. № 2, 2017. С. 73–81.
10. *Малахов В. С.* Государство в условиях глобализации. М. : КДУ, 2007.
11. *Муфф Ш.* К агонистической модели демократии // Логос. 2004. № 2 (12). С. 180–197.
12. *Осветимская И. И.* Государственный суверенитет: содержание и преобразование в условиях глобализации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 2. С. 150–168.
13. *Осветимская И. И.* Государство в условиях глобализации: теоретико-правовое исследование. Дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2017.
14. *Поляков А. В.* Верховенство права, глобализация и проблемы модернизации философии и теории права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. № 4. 2013. С. 18–30.
15. *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995.
16. *Фуко М.* Власть и знание // Фуко М. Интеллектуал и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса под общей ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. М. : Праксис, 2002.
17. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб. : Наука, 2001.
18. *Хабермас Ю.* Расколотый Запад / Пер. с нем. О. М. Величко, Е. Л. Петренко. М. : Весь Мир, 2008.
19. *Цыганков П. А.* Мировая политика и ее содержание // Международные процессы. 2005. № 1. С. 53–65.
20. *Шумпетер Й. А.* Капитализм, социализм и демократия. М. : Экономика, 1995.
21. *Benhabib S.* Toward a Deliberative Model of Democratic Legitimacy, in Seyla Benhabib (ed.), *Democracy and Difference*, Princeton, N. J. : Princeton University Press, 1996.
22. *Cohen J.* *Democracy and Liberty* / J. Elster (ed.), *Deliberation Democracy*, Cambridge : Cambridge University Press, 1988.
23. *Downs A.* *An Economic Theory of Democracy*. New York : The University of Chicago Press, 1957.
24. *Goodwin G. L.* The Erosion of External Sovereignty? // *Government and Opposition*. Vol. 9. No. 1 (WINTER 1974). Pp. 61–78.
25. *Guehenno J.* *The End of the Nation State*. University of Minnesota Press, 2000.
26. *Habermas J.* *The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry Into a Category of Bourgeois Society*. Massachusetts : The MIT Press, 1991.
27. *Habermas J.* *Faktizität und Geltung*. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1998.
28. *Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J.* *Global Transformations: Politics, Economics and Culture*. New York, 1999.
29. *Laclau E., Mouffe C.* *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. London : Verso, 1985.
30. *Loughlin M.* The Erosion of Sovereignty // *Netherlands Journal of Legal Philosophy*. 2016 (2). Pp. 57–81.
31. *Ohmae K.* *The End of the Nation State*. New York, 1996.
32. *Raz J.* The Future of State Sovereignty // *Oxford Legal Studies Research Paper No. 61/2017* [Электронный ресурс]. URL: https://scholarship.law.columbia.edu/faculty_scholarship/2069 (дата обращения: 01.07.2020).

References

1. *Arendt, H.* *Origins of totalitarianism [Istoki totalitarizma]*. Moscow : CenterCom [TsentrKom], 1996. (transl. from English)
2. *Belyaev, M. A.* *Deliberative Model of Democracy: Basic Principles and Practical Difficulties [Deliberativnaya model' demokratii: bazovye printsipy i problemy realizatsii]* // *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS [Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN]*. 2019. T. 14. No. 3. Pp. 79–95. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-3-belyaev.
3. *Benhabib, S.* *Toward a Deliberative Model of Democratic Legitimacy*, in Seyla Benhabib (ed.), *Democracy and Difference*, Princeton, N. J. : Princeton University Press, 1996.
4. *Berger, P., Luckmann, T.* *The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge [Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya]*. M. : Medium [Medium], 1995. (transl. from English)
5. *Bogaturov, A. D.* *The Concept of World Politics in Theoretical Discourse [Ponyatie mirovoi politiki v teoreticheskom diskurse]* // *International processes [Mezhdunarodnye protsessy]*. 2004. Vol. 2 No. 1 (4). Pp. 16–33.

6. *Bourdieu, P.* Social Space and Symbolic Power. [Sotsial'noe prostranstvo i simvolicheskaya vlast'] // Bourdieu P. Beginnings [Nachala] / trans. from fr. M. A. Shmatko. M. : Socio-Logos, 1994. (transl. from French)
7. *Cohen, J.* Democracy and Liberty / J. Elster (ed.), Deliberation Democracy, Cambridge : Cambridge University Press, 1988.
8. *Downs, A.* An Economic Theory of Democracy. New York : The University of Chicago Press, 1957.
9. *Foucault, M.* Power and Knowledge [Vlast' i znanie] // Foucault M. Intellectual and Power: Selected politically articles, speeches and interviews [Intellektual i vlast': Izbrannye politicheski stat'i, vystupleniya i interv'yu] / transl. from French. S. Ch. Ofertas, ed. V. P. Vizgin and B. M. Skuratov. M.: Praxis [Praksis], 2002. (transl. from French)
10. *Goodwin, G. L.* The Erosion of External Sovereignty? // Government and Opposition. Vol. 9. No. 1 (WINTER 1974). Pp. 61–78.
11. *Guehenno, J.* The End of the Nation State. University of Minnesota Press, 2000.
12. *Habermas, J.* Involvement of the Other. Essays on Political Theory. [Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoi teorii.] SPb. : Nauka, 2001. (transl. from German)
13. *Habermas, J.* The Broken West [Raskoloty Zapad] / Transl. from German O. M. Velichko, E. L. Petrenko. M. : Ves Mir Publishing House [Izdatel'stvo «Ves' MiR»], 2008. (transl. from German)
14. *Habermas, J.* The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Massachusetts : The MIT Press, 1991.
15. *Habermas, J.* Faktizität und Geltung. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1998.
16. *Held, D., McGrew, A., Goldblatt, D., Perraton, J.* Global Transformations: Politics, Economics and Culture. New York, 1999.
17. *Laclau, E., Mouffe, C.* Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. London : Verso, 1985.
18. *Lebedeva, M. M.* Global Politics. [Mirovaya politika] M. : Aspect Press [Aspekt Press], 2006. (in rus.)
19. *Linde, A. N.* The Value of the Concept of Deliberative Democracy by J. Habermas for the Theory of Political Communication [Znachenie kontseptsii deliberativnoi demokratii Yu. Khabermasa dlya teorii politicheskoi kommunikatsii] // Russian Political Science. No. 2, 2017. Pp. 73–81. (in rus.)
20. *Loughlin, M.* The Erosion of Sovereignty // Netherlands Journal of Legal Philosophy. 2016 (2). Pp. 57–81.
21. *Malakhov, V. S.* State in the Context of Globalization [Gosudarstvo v usloviyakh globalizatsii]. M. : KDU, 2007.
22. *Mouffe, Ch.* Towards an Agonistic Model of Democracy [Gosudarstvo v usloviyakh globalizatsii] // The Logos. 2004. No. 2 (12). Pp. 180–197. (in rus.)
23. *Ohmae, K.* The End of the Nation State. New York, 1996.
24. *Osvetimskaya, I. I.* State Sovereignty: Content and Transformation in the Context of Globalization [Gosudarstvennyi suverenitet: sodержanie i preobrazovanie v usloviyakh globalizatsii] // News of higher educational institutions. Jurisprudence [Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie]. 2017. No. 2. Pp. 150–168.
25. *Osvetimskaya, I. I.* State in the Context of Globalization: Theoretical and Legal Research [Gosudarstvo v usloviyakh globalizatsii: teoretiko-pravovoe issledovanie]. Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences [Dissertatsiya kand. jurid. nauk]. St. Petersburg, 2017.
26. *Polyakov, A. V.* Rule of Law, Globalization and Problems of Modernization of Philosophy and Theory of Law [Verkhovenstvo prava, globalizatsiya i problemy modernizatsii filosofii i teorii prava] // News of higher educational institutions. Jurisprudence [Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie]. No. 4. 2013. Pp. 18–30.
27. *Rawls, J.* Theory of Justice [Teoriya spravedlivosti]. Novosibirsk : Novosibirsk Publishing House. University [Novosibirsk : Izd-vo Novosib. un-ta], 1995. (transl. from English)
28. *Raz, J.* The Future of State Sovereignty // Oxford Legal Studies Research Paper No. 61/2017 [Электронный ресурс]. URL: https://scholarship.law.columbia.edu/faculty_scholarship/2069 (дата обращения: 01.07.2020).
29. *Schumpeter, J. A.* Capitalism, Socialism and Democracy [Kapitalizm, sotsializm i demokratiya]. M. : Economics [Ehkonomika], 1995.
30. *Tsygankov, P. A.* World Politics and its Content [Mirovaya politika i ee sodержanie] // International processes [Mezhdunarodnye protsessy]. 2005. No. 1. Pp. 53–65.
31. *Wittgenstein, L.* Philosophical Works. Part I. [Filosofskie raboty. Ch. I.] M. : Gnosis [Gnozis], 1994. (in rus.)
32. *Zolo, D.* Democracy and Complexity: a Realist Approach [Demokratiya i slozhnost': realisticheskii podkhod]. Moscow : Ed. House of the State University Higher School of Economics [M. : Izd. dom Gos. un-ta Vyshei shkoly ehkonomiki], 2010. (transl. from English)